

И. Волоцкий

Послания Иосифа Волоцкого

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. Волоцкий**
Послания Иосифа Волоцкого / И. Волоцкий – М.: Книга по Требованию, 2023. – 394 с.

ISBN 978-5-458-38700-2

Иосиф Волоцкий (1439-1515) - известный церковный деятель, игумен Волоколамского монастыря. Наряду со своей обширной церковной и политической деятельностью, он известен и как талантливый писатель, автор множества сочинений, посвящённых злободневным вопросам, волновавшим Россию в конце 15 -нач.16 века. Его литературные и полемические труды положили начало русской средневековой публицистике. В данном издании представлены послания Иосифа Волоцкого, адресованные монахам, «вельможам», епископам и князьям. В «Приложении» опубликован «Устав» Иосифа Волоцкого и некоторые другие сочинения. Текст, комментарии и археографические обзоры подготовлены А. А.Зиминим и Я.С.Лурье.

ISBN 978-5-458-38700-2

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

выпрошенного новгородской «литовской» партией у великого князя Казимира, и деятельностью некоего «жидовина» Схари, обратившего в «жидовство» многих новгородцев. Теперь установлено, что концепция эта крайне тенденциозна и во многом неверно воспроизводит как самую историю ереси, так и ее содержание. Действительные факты чередуются с мнимыми, в одну цепь выравниваются разновременные события, о многом говорится нарочито туманно и обобщенно. Но антифеодалную природу новгородско-московских еретиков Иосиф уловил правильно. И этим несомненно объясняется страстно-непримиримый, злобно-воинственный тон его антиеретических сочинений.

По убеждению Иосифа, лучшим, наиболее радикальным средством водворить в стране порядок, подавить общественное брожение, вызванное еретиками, является полное физическое уничтожение всех участников ереси. Убить еретика — «руку освятити». Покаянию еретиков доверять нельзя, тем более покаянию «по нужи», т. е. по нужде. Покаяние их лицемерно; ни один из еретиков не покался «истинно» и «чисто». Многие еретики и в прошлом и теперь калялись несколько раз, не раз давали слово, что оставят свой «злой обычай», но затем снова продолжали свою преступную деятельность. «Православные христиане» поступают неправильно, когда при виде еретиков, осужденных на смерть, «скорбят, тужат, и помощи руку подают. и глаголют, яко подобает сих сподобити милости». Жалость по отношению к еретикам неуместна, преступна и не достигает цели, так как «еретический душепагубный недуг», которым они болеют, неисцелим. Есть только один надежный способ, чтобы до основания искоренить «еретическое семя», — «рать и нож».

Отстаивал Иосиф свою точку зрения настойчиво и требовательно, как человек, ясно видящий то, чего другие не видят или по беспечности своей недооценивают. Защищал ее властно и авторитетно, как полномочный представитель церкви воинствующей, верный блюститель ее преданий и заветов. Доказывал ее во всеоружии своей богословской и церковно-исторической учености.

С высоты этой позиции он даже к Ивану III обращался как равный к равному. Его послание Ивану по поводу еретика Клевова звучит почти как выговор. Он недвусмысленно упрекает великого государя в отсутствии должной бдительности, с нескрываемым неудовольствием пишет о распоряжении Ивана отправить Кленова в Волоколамский монастырь на покаяние и наставительно доказывает ему нецелесообразность этого распоряжения. «В писании, государь, того нет, что еретиков по монастырям посылать; на всех, государь, соборех по проклятии

еретиков посылали в заточение да сажали по темницам, а не в монастыри посылали их». По мнению Иосифа, еретик, если хочет покаяться, с успехом может сделать это и в темнице: «В скорбех бо и в бедах и во юзех паче услышит бог кающихся сердцем сокрушенным и смиренным».

Убеждая в необходимости беспощадной расправы с еретиками, Иосиф громоздил цитаты на цитаты из «писания» и канонических «правил», проводил многочисленные примеры из церковной и гражданской истории в доказательство того, что все древние благочестивые цари — гонители еретиков — принимали против них самые крутые меры; он даже перечислял эти меры, среди которых не последнее место занимали приказы «очи извертети», «дати двести ран ремением», «языки изрезывати». Возникновение и развитие ереси он изображал, сгущая краски и нарочито преувеличивая опасность, как общенародную «беду». Еретиков клеймил словами — образцами той «совершенной ненависти», вооружиться которой предлагал всем правоверным христианам. «Злобесный волк», «Июда предатель», «причастник бесом», «антихристов предтеча», «сын погибельный», «сатанин первенец», «змий тмоглавный», «черный враг» — таков в изображении Иосифа особенно ненавистный ему покровитель еретиков и потатчик им митрополит Зосима.

Опытный писатель, Иосиф, наконец, сделал все, чтобы свои антиеретические писания окружить соответствующей теме атмосферой особой торжественности и значительности, насыщенной воинственным пафосом. Умение повести речь в любом литературном «ключе» здесь оказало ему большую услугу. В его антиеретических произведениях налицо едва ли не вся пиротехника тогдашнего книжного велеречия: риторические обращения и горестные восклицания («О, земле и солнце, како терпиши!»), целые гроздя чередующихся предложений одной и той же синтаксической конструкции и характерные сугубо книжные логизированные сравнения и метафоры. Последние пользовались его предпочтительным вниманием и применялись им подчас не без изобретательности. «Земля сердечная», «буря печали», «море жития суетнаго», «крыло любве», «роса благодати», «солнце благочестия», «мрежа слабости», «малодушия сеть» — эти и им подобные уподобления не раз под его пером расцветали самым пышным цветом. В послании к брату Вассиану, призывая его «подвигнуться» в защиту веры, он высказывал уверенность, что «подвигами» брата господь очистит «ниву» церковную «от пагубных жидовских плевел», всех еретиков порежет «серпом гнева своего», свяжет «тьмою погибели», «мечем уст своих» отсекает главу «дивия вепря». Примером аналогичного кровожадного

«хитрословия» может служить его — в «Сказании о новоявившейся ереси» — картинное сравнение архиепископа Геннадия со львом: в «чаще» божественных писаний он долго подстерегал еретиков, затем «от высоких и красных гор» пророческих и апостольских учений стремительно набрасывался, «растерзая тех скверных утробы», «зубы же своими сокрушая и о камень разбивая». Или — в 13-м слове «Просветителя» — его совет подражать примеру тех пастухов, которые спокойно пасут стадо, играя на свирели, «под дубом или под смерьчем себе повергше», но, завидев крадущегося хищника, бросают свирель, вооружаются дрекольем и камнями, поднимают крик и шум и тем отгоняют хищника прочь.

В ином аспекте предстает перед нами Иосиф Волоцкий — автор «Устава» монастырского, учитель и наставник духовных и светских лиц.

В поучениях братии Волоколамского монастыря и другим монашествующим лицам он — авторитетный игумен, сообщающий правила-рецепты поведения. Речь его проста, лишена какой-либо риторики; предписания четки и лаконичны. Некоторые из его наставлений этого рода носят подчеркнуто директивный характер и производят впечатление почти приказа (свое послание братии «о хмельных напитках» он так именно и назвал — «приказом» и даже, как следует из завершающей текст записи, скрепил его своей игуменской печатью).

В «учительных» посланиях светским людям этого Иосифа, сурового и властного игумена, сменяет другой Иосиф — «старец», «грешной и неразумной», «многую грубостью» одержимый, благостный и кроткий.

До нас дошло два его послания удельному князю Дмитровскому Юрию Ивановичу, сыну Ивана III, брату великого князя Василия. Здесь речь Иосифа почтительна и скромна. Он решился написать князю только потому, что не посмел послушаться его повеления — дерзнул нечто напомнить ему по мере сил и умения «от божественных писаний», хотя и не сомневался в том, что «царское остроумие» его высокого адресата хорошо знакомо с «писанием» и божественным и человеческим. В первом послании Иосиф преподал князю ряд моральных наставлений (воздерживаться от «блуда», заботиться об «общем народе», о подвластных ему «странах и селах», быть милостивым и щедрым), а также — очень осторожно — и один политический совет, как должно вести себя по отношению к «богодарованному царю», как оказывать ему «должное покорение». Во втором послании Иосиф «бога ради» слезно просил князя помочь голодающим в его, князя, области, напоминал об ответственности, которую

он несет перед богом за жизнь своих подданных, предлагал установить твердые цены и тем предотвратить растущее оскудение; «многие ныне люди мрут гладом, — писал он князю, — а кроме тебя, государя, некому той беде пособити».

Иосиф несомненно заботился о своей «учительной» репутации и делал это с тактом и умело. Будущие биографы Иосифа, когда пытались воссоздать образ своего учителя, уже осененный ореолом святости и благочестия, в какой-то мере могли опереться и на его «пастырский» автопортрет.

Многообразная церковно-общественная деятельность Иосифа Волоцкого вызывала к себе неодинаковое отношение. У него были горячие почитатели, но были и недоброжелатели, открыто осуждавшие его поступки и действия, пытавшиеся подорвать его престиж, подвергнуть сомнению и его образ мыслей, и даже его моральные качества. Иосиф это превосходно знал и принимал свои контрмеры. Бороться с ним, однако, было нелегко. Он был очень опасным противником. И не только потому, что имел связи при дворе великого князя, пользовался непререкаемым авторитетом в некоторых влиятельных церковных кругах, но и благодаря свойствам своего характера — напористого, крутого и нетерпимого. Обид он никому никогда не прощал, критики не терпел. Немногие из его современников умели так энергично и систематически отстаивать свои позиции, правые или неправые — безразлично, как это делал он. В полемике с недругами он был непримирим и беспощаден. Упрямо, настойчиво, никогда не теряя присутствия духа, взвешивая каждый шанс и точно рассчитывая удар, он неуклонно шел к цели: вывести противника из строя, заставить его сложить оружие, прекратить поединок. От обороны он, как правило, всегда переходил в наступление и успокаивался только тогда, когда поверженный враг был окончательно раздавлен. До нас дошла серия полемических произведений Иосифа Волоцкого — памятников этой его борьбы. В литературном отношении они — наиболее интересное из всего им написанного.

Вот пример того, с какой легкостью расправлялся Иосиф, когда противник был значительно слабее его и мог противопоставить ему только одно оружие — свой протест.

Некий князь (имя его неизвестно) обратился к Иосифу с претензией-жалобой. От него сбежал в Волоколамский монастырь «раб» (очевидно, холоп). Сбежал с целью постричься в монахи и тем самым освободиться от зависимого положения. Иосиф выполнил его желание: оставил в монастыре и постриг. Случай в те времена нередкий. В поисках лучшей доли, в надежде на более привольное житье «раб» от одного феодала переходил

к другому. На этой почве между феодалами, и в частности между феодалами светскими и духовными, не раз возникали распри.

В ответ на жалобу князя Иосиф написал ему коротенькую грамоту. Начал с лести. Князь «добре» знает «божественное писание». Божественное же писание повелевает «имети» всякому человеку «попечение о рабех» — заботиться о них, как о «чадех», наставлять их на «божий путь спасеный». Если «раб» хочет душу свою спасти — постричься в монахи, не следует препятствовать ему в этом добром начинании, а напротив: содействовать и даже «вседушно» начинанию этому радоваться. Такой «раб» — дар его, князя, богу и пречистой богородице. Иосиф поблагодарил князя за этот дар — ценней «паче всех земных приношений» — и обещал ему в награду «царства небеснаго наследие».

Князь менее всего ожидал такого ответа. Прочитав грамоту, которую вручил ему монастырский служка, он только и смог, видимо в полной растерянности, сказать: «Срезал ми, деи, головы».

Реплика эта (служка дословно передал ее игумену) побудила Иосифа отправить князю новую грамоту. Начал он ее с того, что картинно изобразил свое горестное изумление по поводу сказанных князем слов. Не следовало бы князю «тако говорити»: перед богом все люди равны, не только свободный человек, но и раб имеет право позаботиться о своей душе. «У вас от множества рабов во многия лета един восхотел работати господу богу, и тебе, господине, и то бранно», — укорял Иосиф князя. Если так «бранно», то князю не мешало бы вспомнить и то, о чем неоднократно напоминает «писание»: подобает всякому человеку «десятину богу подавати от имения и от чад и от рабов». (Что «десятину богу» дают добровольно — об этом Иосиф не стал распространяться). Предвидя возможное сомнение князя, спасется ли в монастыре его беглый «раб», начнет ли там «жити тако, якоже черицу велено жити», Иосиф просил князя не беспокоиться: спасется или нет — теперь это уже не его забота. Сомнение это — опасное вольномыслие, о чем Иосиф и считает необходимым предостеречь князя. «Аще ли же хулит кто монастыри или святой иноческий образ, яко мнози во иноческий образ облачатца, а не вси спасутся, такови хулят и господа нашего Исуса Христа...» Встав на путь такого рода размышлений, князь «по мале» может договориться и до хулы на «святое крещение», ибо «мнози крещаются, а не вси спасаются». Походя бросив этот зловеющий намек, Иосиф закончил грамоту указанием, что враг-дьявол, «хотя всякого человека погубити».

в особенности охотно влагает в сердце «злая и сопротивная» тем людям, которые плохо знают «божественные писания».

Нам не известно, как воспринял князь это второе послание к нему Иосифа. Но, надо полагать, он уже не пытался больше оспаривать свои права на бежавшего от него «человека»: переписка принимала явно опасный оборот.

Сохранилось послание Иосифа, относящееся примерно к тому же времени, «к некоему вельможи о рабех его, гладом и наготою морящему их». Не исключена возможность, что «вельможа» этот — тот же злополучный «князь», которому Иосиф отправил два предшествующих послания. Если это так — перед нами любопытное завершение полемики по вопросу о беглом «рабе». В самых скромных и почтительных выражениях, со смирением многим, Иосиф здесь слезно молит князя проявить милосердие: не «морить» своих «рабов» и «сирот домашних». До него, Иосифа, дошел слух, что они нуждаются в самом необходимом, «гладом тают и наготою стражут» и что гибнут не только их «телеса», но и «души», ибо человеку, в «тесноте» и «скудости» живущему, «не мочно благая делеса имети». Подчеркнуто «умилительный» тон послания на фоне предыдущих посланий Иосифа тому же несговорчивому «вельможе» звучит торжеством полной победы. Тайный подтекст послания был совершенно очевиден: всяческою «скудостью» томимые, «рабы» князя потому и бегут, что жить у него им никак «не мочно».

Такой же неудачей закончилась и попытка некоей вдовы княгини Голениной вступить в неравную «прю» с волоколамским игуменом. В письме к нему она выразила неудовольствие по поводу того, что ее покойные супруг и дети поминаются в монастыре не так, как она того хотела. Не раз посылала она в монастырь разные «поминальные» вклады деньгами и натурой в надежде, что в монастыре будут должным образом молиться за упокой их души, впишут их в «вечное поминанье». Но, по ее сведениям, их не только не вписали в это «поминанье», но даже не совершают отдельных по их душе «панафид». Расстроенная и оскорбленная, она даже объявила Иосифу, что взимаемая монастырем плата за упокой — «грабеж». Грамота княгини не дошла до нас, но содержание ее хорошо известно из ответа, который Иосиф ей отправил. Ответ написан в снисходительно-наставительном тоне, в форме деловой грамоты с элементами просторечия и выразительно показывает Иосифа, человека и писателя, еще в одном аспекте — расчетливого хозяина монастыря, опытного дельца, для которого «поминанье по душе» — вопрос прежде всего чисто хозяйственный, предмет купли и продажи. Развернув «сенаник», где записывались все вклады за упокой,

Иосиф подробно перечислил, что в разное время дала княгиня монастырю. По его расчетам — дала мало. Другие вносили значительно больше, и насколько больше — Иосиф наглядно продемонстрировал на ряде примеров, заимствованных из того же «сенаника». Княгиня дала за сына князя Семена «шубу и два мерина» и полагает, что этого достаточно для записи в «годовое поминанье в век». Она заблуждается. Княгине пора бы знать — с циничной откровенностью заметил ей Иосиф, — что платить надо за все: «даром священник ни одное обедни, ни панафиды не служит». Доказать неразумной княгине всю несостоятельность ее претензий — такова была цель грамоты Иосифа, и, с точки зрения интересов монастыря, она несомненно была достигнута.

Значительно больше хлопот доставляли Иосифу Волоцкому люди, с мнением которых надо было, нельзя было так или иначе не считаться. К полемике с ними Иосиф подходил серьезно. Долго готовился к ней, специально собирал для нее материал; в поисках нужных ему данных и справок обращался к услугам брата Вассиана и других доброхотов, даже отправлял в Москву «старцев» — своих агентов. Писать садился во всеоружии, взвешивая каждое слово, обдумывая каждый довод. До того, как отправить ответ, снимал с него копии на тот случай, если они понадобятся для рассылки и другим лицам. Типичными образцами литературных мероприятий Иосифа в этом направлении являются два его послания — И. И. Третьякову и Б. В. Кутузову. Оба послания были написаны в 1509—1510 гг. почти одновременно — в годы, когда переход Иосифа вместе с монастырем в державу великого князя и тесно связанное с этим переходом дело новгородского архиепископа Серапиона вызвали в некоторых общественных кругах явное неудовольствие и когда Иосифу предстояло оправдать в глазах общественного мнения линию своего поведения, защититься от нападок.

Ближайшим поводом к написанию послания И. И. Третьякову явился следующий факт. Роль, которую сыграл Иосиф в деле архиепископа Серапиона, неприятно покорибила И. И. Третьякова. Неоднократно через многих лиц он просил передать Иосифу свою просьбу: помириться с опальным архиепископом — «бить ему челом», «попроситься» у него.

Иосиф, однако, с порога отверг это пожелание. Почтительно, но сухо он дал понять Третьякову, что в вопросе о «бывшем» архиепископе Серапионе предпочитает стоять на формально-юридической точке зрения. Иосиф допускал, что Третьяков, давая ему совет «бити челом» бывшему новгородскому владыке, руководствовался самыми добрыми побуждениями. Но он, ви-

димо, или не знал всех обстоятельств дела («то ти дело не во искусе»), или в данном случае не учел свидетельств «писания» («еси мало читал правил святых отец»). Свой ответ Третьякову Иосиф и начал с обширных выписок из церковных «правил». Выписки должны были показать, что Серапион свое отлучение на Иосифа, когда тот передал в державу великого князя Волоколамский монастырь, наложил «неправедно» — «сопротивно» писанию. Иосиф поэтому не может, не имеет права «прощатись» у Серапиона, ибо «прощатись» у него значит совершить преступление, равное проступку самого Серапиона. Митрополит Симон разрешил его, Иосифа, от отлучения, наложенного Серапионом, — какие же теперь у него основания «бити челом» опальному владыке. Нет того в писании, «еже благословенному и прощенному прощатися у неблагословеннаго и отлученного и из сана изверженнаго». Просить у Серапиона прощения — «обезчестити и унижити священныя правила и вся божественная писания».

Пояснив Третьякову причины, по которым он решительно отказывается «прощатись» у Серапиона, Иосиф далее сделал то, что обычно делал, когда собирался окончательно скомпрометировать и уничтожить недруга: из арсенала своих полемических орудий извлек самое сокрушительное — от казуистики своей предыдущей аргументации перешел к прямым политическим обвинениям.

В том, что произошло, виноват один Серапион. Незаконно отлучив его, Иосифа, от священства, Серапион не только поступил вопреки всем церковным правилам, но и оскорбил в его лице великого князя, которого сам господь бог устроил «во свое место и посадил на царьском престоле» и которому вручил все: «и церковное и монастырское, и всего православного христианьства. вся Руския земли власть и попечение».

В доказательство Иосиф, опираясь на добытый через своих агентов материал, подробно, с воспроизведением «речей», описал Третьякову сцену допроса Серапиона в Москве в присутствии великого князя, митрополита и всего «освященного собора». Из описания следовало, что Серапион «ни бога боится, ни человек срамляется, ни часа страшного трепещет». На задаваемые ему вопросы отвечал «с яростью и с свирепством», только одного себя мня «свята и премудра и праведна и разумна». С государем стал «сваритися», невзирая на то, что «божественная писания повелевают царя почитати». Обидчика церковей божьих князя Федора Волоцкого защищал. Суд самодержца и святителей укорил и уничтожил. Весь собор «конечно» обесчестил. . .

В «речах» своих противников Иосиф с большой зоркостью умел отыскивать и подмечать самые уязвимые места. Неосторожно сорвавшееся слово, неудачное выражение, обмолвка — всем этим он тотчас же спешил воспользоваться. Поймав такую обмолвку, он уже не скоро выпускал ее из рук. Он ее неоднократно цитировал, и полностью и по частям, он комментировал ее в разном контексте, он сравнивал ее с высказываниями «отцов церкви» и «правилами» вселенских соборов, глумился, подчеркивал отдельные слова, изумлялся ее «дерзости». Обычно эта жестокая игра продолжалась до тех пор, пока из пойманной обмолвки ему не удавалось выжать весь ее крамольный смысл.

Имеющиеся у Иосифа агентурные сведения по делу архиепископа Серапиона дали богатый материал для возобновления этой игры и здесь, в послании к И. И. Третьякову, и в написанном несколько позже послании к Б. В. Кутузову. На допросе в Москве, когда его спросили, за что он его, Иосифа, отлучил, Серапион сгоряча ответил: «Волен, деи, яз в своем чернице, а князь Федор волен в своем монастыре — хочет жалует, хочет грабит». В «неблагословенной» грамоте Иосифу он, комментируя его переход в державу московского государя, проявил еще бóльшую оплошность — написал Иосифу: «Что еси отдал свой монастырь в великое государство, ино то еси отступил от небеснаго, а пришел к земному». На этих и им подобных обмолвках бывшего новгородского архиепископа Иосиф в основном и построил свою политическую характеристику Серапиона.

Сам крамольник и союзник крамольника, лжепастырь, тщеславный и дерзкий, прегордый и хитрый, невежа («божественных писаний нимало знает, а спросится с разумным человеком срамляется») — таков Серапион в изображении Иосифа.

Щадить противника отнюдь не было в правилах волоцкого игумена. Поверженного врага он обычно добивал. В данном случае он поступил так же. Он привлек к делу некоторые факты церковно-общественной биографии Серапиона, попытался скомпрометировать и всю его предшествующую конфликту деятельность. По утверждению Иосифа, Серапион, когда получил назначение в Новгород и прибыл туда в сане новгородского архиепископа, в поисках «славы» стал раздавать местным боярам, детям боярским и приказным людям «церковные имения»; пьяницам и разным «чмутом» (бездельникам, шарлатанам) отворил «погреб» и тешился тем, что они, пьяные, за то величали его «государем» (в послании к Кутузову Иосиф писал, несколько неосмотрительно, что так, «государем», в свое время и он сам в знак особого уважения величал новгородского вла-

дыку). Когда же «давати» было уже нечего, «поити нечем», Серапион «был хотел того дея и владычество оставить».

Только дописывая послание к Третьякову, Иосиф счел возможным впасть в тон, перейти на язык своего адресата. Из заключительных строк послания Третьяков мог узнать, что волоколамский игумен не менее его, Третьякова, скорбит о судьбе, постигшей архиепископа Серапиона, ибо «всем жаль его». В заботе о грешной душе опального владыки Иосиф даже обратился к Третьякову с просьбой: дать совет Серапиону принести чистосердечное покаяние, молить его, «чтобы познал свое преступление».

По мнению Иосифа, Серапион действовал не столько в силу собственной испорченности, сколько по наущению волоцкого князя Федора Борисовича. Его, Серапиона, «научили» «ула-скали, яко малое отрочя». Иосиф обещал Третьякову подробно изложить, как было дело, если он того пожелает. Обещание это он и выполнил, но в послании к Б. В. Кутузову. Видимо, потому, что Третьяков не «восхотел» слушать дальнейших объяснений Иосифа.

Послание к Б. В. Кутузову во многом по содержанию повторяет предшествующее послание. В литературном отношении оно интересно тем, что здесь Иосиф, оправдывая свой переход в державу великого князя и свою роль в деле архиепископа Серапиона, весьма находчиво применил еще один полемический ход — предстал перед Кутузовым в необычном для себя образе гонимого страдальца, едва ли не мученика, жертвы «неправедных человек».

В центре послания — подробный и обстоятельный рассказ о том, что лично Иосифу и братии его монастыря пришлось в течение ряда лет испытать от князя Федора — какие «обиды» и «насилия». Рассказ написан на разговорном просторечии, которым Иосиф владел превосходно. Он несомненно сознательно избрал именно этот способ повествования: своей «житейской» фактографичностью, своими бесхитростными интонациями, подчеркнутой простотой рассказ вызывал сочувствие.

Когда после смерти князя Бориса Васильевича «на Волоце» стал княжить сын его Федор, для Иосифа и братии наступили тяжкие времена. Жадный, скупой, жестокий, князь Федор перешел в открытое наступление на святую обитель: не только ничего не давал монастырю, но силою отнимал и то, чем монастырь владел. Каждый приезд князя в монастырь — очередная карательная экспедиция. Монахи в испуге прятались по кельям, предоставляя ему, Иосифу, спасти монастырское добро. «Что бог пошлет нам, в том воли не даст, иное даром просит, а иное